

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Пролог</i>	9
ГЛАВА ПЕРВАЯ	
<i>О пользе сметаны, или «Одинокое время»</i>	15
ГЛАВА ВТОРАЯ	
<i>«Голос как у птички». Проба пера</i>	32
ГЛАВА ТРЕТЬЯ	
<i>«Я вышла замуж за любимого человека». И придумала бельгийца с огромными усами</i>	48
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ	
<i>«А в этом что-то есть», или По морям, по волнам</i>	63
ГЛАВА ПЯТАЯ	
<i>Убийца — доктор Ватсон, или Гольф-вдова</i>	81
ГЛАВА ШЕСТАЯ	
<i>Хроника исчезновения</i>	94
ГЛАВА СЕДЬМАЯ	
<i>Восток — дело тонкое</i>	118
ГЛАВА ВОСЬМАЯ	
<i>«В восемь завтракаю. В девять размышляю»</i>	137

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ	
<i>Как хорошо начинался год</i>	157
ГЛАВА ДЕСЯТАЯ	
<i>Должник или кредитор?</i>	
<i>На сцене и в пустыне</i>	169
ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ	
<i>Проигранное пари</i>	182
ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ	
<i>«Не ощущаю себя писателем»</i>	191
ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ	
<i>«Мне ничуть не хуже, чем в молодости»</i>	203
ВМЕСТО ЭПИЛОГА	
<i>Слагаемые успеха, или Эркюль Пуаро в интерьере литературного сыска</i>	220
<i>Детективные романы Агаты Кристи в хронологическом порядке</i>	259
<i>Указатель имен</i>	266
<i>Указатель произведений Агаты Кристи, упомянутых в книге</i>	278

По-моему, мои книги никакого значения не имеют.
Они занимательны, не более того.

Агата Кристи

ПРОЛОГ

Окончательное решение созрело в тот же день.

Когда в десятом часу вечера, в пятницу 3 декабря 1926 года, она раздвинула тяжелые бархатные шторы — ни дороги, ни огней Саннингдейла (даром что Солнечная долина), ни живописного вида, открывавшегося из окна верхнего этажа, из-за густого тумана видно не было.

Этот зимний вечер ничем, казалось бы, не отличался от любого другого. Дочь, семилетняя Розалинда, крепко спала в соседней комнате. Внизу, на кухне, гремела кастрюлями и что-то напевала себе под нос служанка Лили. Из Лондона вечерним поездом возвращалась ее секретарша и — по совместительству — няня Розалинды Шарлотта Фишер. Когда-то она прозвала Шарлотту — не только няню и секретаршу, но и близ-

кую подругу — «Карло», и с тех пор никто мисс Фишер иначе не называл. У Карло сегодня был «отгул»: она сама настояла на том, чтобы Карло провела вечер пятницы в Лондоне, пошла с другом в ресторан потанцевать...

Она присела к столу, взяла свою визитную карточку и на обороте крупными буквами вывела: «Дорогая Карло»; дальше, однако, дело не пошло: в возникших обстоятельствах писать подруге даже короткую записку было куда труднее, чем детективные романы. Писала она, впрочем, всегда тяжело — придумать и раскрыть преступление было гораздо легче, чем его описать. «Как» было для нее сложнее, чем «что».

Карло должна была появиться в течение часа, а вот мужа, в прошлом летчика королевских ВВС, высокого, бравого, усатого полковника, с которым она прожила двенадцать лет и который гольфом интересовался куда больше, чем женой, тем более — ее сочинениями, она в тот вечер не ждала. В «Стайлзе» он вообще был последнее время редким гостем. Давно прошли те времена, когда, приобняв молодую жену за талию, он ей нашептывал: «Пообещай, что всегда будешь так же неотразима». Эту фразу она потом подарила одному своему персонажу, такому же, как Арчибальд Кристи, записному кинематографическому красавцу. И такому же, как теперь выясняется, негодяю.

Первым, кто догадался, что в ближайшее время возвращаться в «Стайлз» она не намерена, был Питер, жесткошерстный терьер, ее любимец и гроза окрестных кошек, подарок родителей Розалинде. Недолго любил Питер и Карло с Розалиндой, люто ревновал

и ту и другую к хозяйке. Подозревал, и не без оснований, что ее сердце отдано не ему одному.

Оставалось еще два дела: поцеловать на прощанье спящую дочь и оставить на столе в шкатулке красного дерева обручальное кольцо — его они найдут без труда.

Перед самым отъездом почему-то вспомнилось, как Клара, ее покойная мать, весной этого года, незадолго до смерти, сказала дочери трагическим шепотом: «Знаешь, иной раз так хочется расстаться с собственным телом...», — и после глубокомысленной паузы пояснила: «Не терпится поскорей выйти на свободу из этого узилища!» Как в воду смотрела!

И еще вспомнилось, как Арчибальд (отменно здоровый человек, он терпеть не мог разговоров о болезнях и смерти — и в трудную минуту принимался шутить и рассказывать анекдоты) предложил ей, узнав о кончине тещи, поехать с ним в Испанию, где у него были дела, развеяться. Так и сказал: «Получишь удовольствие — развеешься». У нее тогда впервые возникло ощущение, что он ей чужой, о чем она потом напишет в «Автобиографии»:

«Охватывает ужас, когда сидишь за чайным столиком с самым близким тебе человеком — и вдруг осознаешь, что человек этот тебе чужой».¹

В тот день, 3 декабря, вернувшись, по обыкновению, из клуба домой уже под утро, Арчи налил себе чаю, затянулся сигарой, после чего, стараясь на подру-

1 Здесь и далее все цитаты даются в собственном переводе автора, если не указано иного.

гу жизни не смотреть, совершенно спокойно, деловым тоном, словно речь шла о покупке холодильника или поездке в Геную (любил Лигурию!), напомнил ей о том, о чем говорил еще летом. Он влюблен в другую женщину и хочет развестись. И чем раньше, тем лучше. «Ее зовут Нэнси Нил, — уточнил он. — Ты наверняка ее помнишь, она бывала у нас дома». Ее, как и в тот раз, в августе, охватила паника, она почему-то, облизнув губы и нервно поправляя прическу (как всегда, когда волновалась), пустилась в извинения, словно была в чем-то виновата. Стала сбивчиво говорить, что поменяет свой образ жизни (в котором не было ровным счетом ничего предосудительного), и попросила о трехмесячной отсрочке. И, чтобы снять напряжение, предложила мужу, по сути уже бывшему, поехать на уик-энд в Йоркшир, в чем ей было под благовидным предлогом незамедлительно отказано: «Боюсь, не получится, дорогая: давно уже договорился с друзьями провести выходные у них в Хартморе». После чего она, вдруг сообразив, в какое унижительное положение сама же себя поставила, взорвалась и пригрозила: «Не поедешь со мной в Йоркшир — дома меня, когда вернешься, не застанешь». Арчибалд — он и не думал возвращаться — был, как видно, к этой вспышке готов, и с невозмутимым видом заявил, что ему уже давно надоело «разгадывать эти шарады», и он уходит. Сказано — сделано: потушил сигару, допил чай, взял со стола газету и, сказав на прощанье, что разводом, если она будет противиться, он займется сам, без ее участия, вышел из дома, сел в машину и уехал.

Он уехал, а она вспомнила, как еще ребенком, играя в «исповедь» (чистосердечные ответы на прямые во-

Пролог

просы), на вопрос: «Самое большое несчастье?» ответила: «Это когда меня разлучают с тем, кого я люблю».

Тогда-то окончательное решение и было принято. «Но продуман распорядок действий, / И неотвратим конец пути...» Не зря же она сочиняет детективы — шесть романов уже увидели свет, заканчивает седьмой.

Записки, адресованные Карло и Арчи, были написаны и оставлены на столе в прихожей, чемодан наскоро собран (несколько платьев, ночная рубашка, две пары обуви). Она спустилась вниз, потом передумала, вернулась, как была — в шубе и шляпке, — в гостиную, где посидела минут пятнадцать — а вдруг Арчи все-таки одумается и вернется? Просидела, глядя на висевшую на стене картинку — обложку ее книги, вышедшей в «Bodley Head»: за темно-синей занавеской застыл человек в ярко-красном халате; в глазах у него ужас, в руках свеча, в свете свечи видно, как кто-то склонился над столом, а в дверях неподвижно стоит высокая женщина с накидкой на полных плечах. Наконец, решительно встала, взяла чемодан, вышла на улицу, медленно, словно нехотя, направилась к гаражу и, громко сказав вслух: «Так тому и быть!», села за руль недавно купленной «моррис-коули». И, отъезжая, подумала: «При чем тут шарады?!»

ГЛАВА ПЕРВАЯ

О пользе сметаны, или «Одинокое время»

1.

Когда зимой 1890 года миссис Фредерик Алва Миллер (друзья называли ее почему-то Кларой) обнаружила, что беременна, она первым делом заявила кухарке, что отныне сметану следует подавать к столу три раза в день, а не только к завтраку. Про целительное действие фермерской сметаны она, впрочем, узнала давно, одиннадцать лет назад, когда была беременна старшей дочерью Маргарет (или Мэдж, как ее звали в семье). Спустя еще год Клара родила сына — Луиса Монтента (домашнее имя — Монти), и точно так же трижды в день отдавала сметане должное. Помешанная на диете (и вообще на здоровье), она знала толк во «вкусной и здоровой пище», чему ее научила старшая сестра матери — тетушка Маргарет, корпулентная, добродушная, отзывчивая, при этом весьма прижимистая особа с актер-